

УДК 81'373

**ЛЕКСЕМА БЕЗВЕТРИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
ВОЗДУШНАЯ СТИХИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА**

**LEXICAL ITEM CALM AS THE REPRESENTATIVE OF THE SEMANTIC FIELD
AIR ELEMENT IN POETIC LANGUAGE OF K.D. BALMONT**

А. А. Преображенская

A. A. Preobrazhenskaya

Шуйский филиал ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», г. Шуя

Аннотация. В статье рассматривается лексема *безветрие* как репрезентант семантического поля *воздушная стихия*, а также ее реализация в поэтическом языке К. Д. Бальмонта. Данная единица как парадигмальная экспрессема несет большую семантическую нагрузку и имеет концептуальное значение для бальмонтского идиостиля, а также характеризуется мифопоэтическим характером образа. Экспрессема *безветрие* реализует свою семантику в аспектах свойства междубытия, предваряющего божественный мир, и особого духовного состояния лирического героя.

Abstract. The article discusses the lexical unit *calm* as the representative of the semantic field *air element* as well as its implementation in K.D. Balmont's poetic language. This unit as a paradigmatic expresseme carries great semantic load and has a conceptual meaning for Balmont's idiosyle. Moreover, it is characterized by mythopoetic features of the image. The expresseme *calm* fulfill its semantics both in the aspects of inter-being peculiarities anticipating the divine world, and a special spiritual state of the lyrical character.

Ключевые слова: *поэтический язык, К. Д. Бальмонт, семантическое поле, идиостиль, мифопоэтика, экспрессема.*

Keywords: *poetic language, K. D. Balmont, semantic field, idiosyle, mythopoetics, expresseme.*

Актуальность исследуемой проблемы. Рассматривая реализацию семантического поля (СП) *воздушная стихия* в поэтическом языке К. Д. Бальмонта, мы обнаружили, что данное поле является особенно значимым в поэтическом языке «стихийного гения» и является ключом к пониманию идиостиля поэта с «воздушной» и «ветреной» душой. Стихия – одно из ключевых явлений в творческом мире К. Бальмонта. «Огонь, Вода, Земля и Воздух – четыре царственные стихии, с которыми неизменно живет моя душа в радостном и тайном соприкосновении», – утверждал поэт [1, 7]. Образы, являющиеся репрезентантами анализируемого поля (воздух, ветер, вихрь, буря, душа, дух, воздушность), представляют собой неотъемлемую часть мира лирического героя, живущего в соотношении с мировыми стихиями. Воздух в бальмонтском понимании – это сакральное пространство, отвечающее за духовную жизнь человека, а ветер в нем – посредник между землей и небесами, к которым устремлена «свободная», «неверная» душа лирического героя, подвижная и не знающая покоя («Воздушная стихия предстает формой бытия, соединяющей земное и неземное, надмирное пространство, а ветер выступает вестником и проявлением, осуществлением этого бытия», – пишет Т. С. Петрова [8, 26]).

В связи с этим особого внимания заслуживает лексема *безветрие*, анализ которой позволяет углубить представление о СП *стихия воздуха* и о диалектике его мифопоэтической семантики на протяжении творческого пути поэта (вопросы формирования этого лексико-семантического поля (ЛСП) в ранней лирике К. Д. Бальмонта нашли отражение в ранее опубликованной нами работе [9, 109–122]).

Материал и методика исследований. В работе был использован комплекс теоретических и практических методов исследования, в том числе сплошной выборки и контекстуального анализа стихотворений из книг К. Бальмонта «Гишина», «Горящие здания», «Будем как Солнце», «Светослужение».

Результаты исследований и их обсуждение. Экспрессема *безветрие* деривационно связана с семантическим полем *стихия воздуха*, так как образована приставочно-суффиксальным способом от слова *ветер* – важнейшей экспрессемы в парадигме репрезентантов воздушной стихии.

Впервые репрезентант *безветрие* использован К. Бальмонтом в книге «Гишина» (1898):

За гранью отдаленную
Бесчисленных светил,
За этой возмущенною
Толпой живых могил
Есть *ясное Безветрие*
Без плачущего я.
Есть *светлое Безветрие*
Без жажды бытия [1, 134].

Уже здесь можно наблюдать противоположную образу *ветра* семантику: отсутствие движения (*безветрие* – это статичное пространство), отсутствие звучания (эпитет «без плачущего» с предлогом *без*), связь с образом высоты (тогда как для дихотомичного образа ветра характерно противопоставление верха и низа, высоты и глубины), отсутствие семантики стремления, желания, беспокойства, что подчеркивается предлогом *без* («без жажды бытия», «без плачущего я»). Однако объединяет данные экспрессемы семантика света, отражающаяся в эпитетах *ясное* и *светлое*, которые характерны для всего ЛСП *воздушная стихия* («Нетленным светом нежности / Там все озарено, / Там счастье Безбрежности, / Где слито все в одно» [1, 135]). Мир *безветрия* – это «сны блаженные / В прозрачной мгле мечты», «виденья Красоты». Именно поэтому, переживая «разлуку с Красотой», лирический герой-поэт видит в мире *безветрия* «святую родину» своей души.

В книге «Горящие здания» (1900) находим целый раздел под названием «Безветрие», хотя сама экспрессема в стихотворениях, объединенных данным названием, отсутствует. В то же время в них отражается связанная с образом *безветрия* семантика, которая была отмечена ранее: тишины и покоя, сна, отсутствия желаний и устремлений («Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!», «Свободном от всяких желаний», «В лучистом застыл он покое», «К нему не притронутся бури, Его не коснутся печали, / Ему не знакома борьба», «Вкруг тебя безнадежная тишь», «Эти прошлые бури погружаются в сон», «Тихо в царстве покоя»). Строки «Он остров, забытый ветрами, Среди успокоенных вод» прямо отражают противопоставление *ветра* и *безветрия*.

Мифопоэтический смысл заглавной лексемы *безветрие* развивается в этом цикле в направлении, обозначенном эпитафиями. Семантика потустороннего покоя, содержащая

ся в строках Случевского («В тихом безветрии / Светлых пространств»), соотносится с динамичным образом движения, заданным первым эпиграфом: «Тогда-то наслаждается человек, проходя среди звезд» (Люис де Гранада) [1, 302].

«Запредельная жизнь Красоты», к которой изначально устремлена душа поэта, достигается преодолением смертного сна (погружения на дно, в «безнадёжную тишь») – движением ввысь, в безграничную лазурь божественного инобытия:

Мгновенье Красоты
Бездонно по значенью,
В нем высшее, чем ты,
Служи предназначенью!
Взойди на высоту,
Побудь как луч заката,
Уйди за ту черту,
Откуда нет возврата! (Вершины [1, 308]).

Таким образом, заглавная позиция экспрессемы *безветрие* особенно значима, поскольку обуславливает объединение в ней и прежних, и новых аспектов сложной и емкой поэтической семантики, соотношение характеристик «родины святой» и свойств человеческой души, взыскующей Бога и устремленной к Нему.

В стихотворении «Безветрие» из книги «Будем как Солнце» (1903) заглавное слово отражает инобытие, свободное от всего, что присуще земному человеческому существованию. Связь со словом *пространство* отсылает к экспрессеме *воздух*, что поддерживается эпитетом *воздушно*. В строке «В них все хрустально-призрачно, воздушно и мертво» [1, 340] отражается связь воздушной стихии с мотивом смерти, умирания, перехода души в иной мир (ср. «Вольно, воздушно и мертво...» [2, 221] из книги «Птицы в воздухе»). В последнем четверостишии субъект выражен романтическим обобщенным местоимением *те*, которые «...Об этих странах помнили, всегда лишь их любя, / Оттуда в мир пришедшие, туда вернуться снова, / Чтоб в царствии Безветрия навек забыть себя» [1, 340]. Подобный контекст отсылает нас к стихотворению «Мировая паутина» из книги «Птицы в воздухе» [2, 206], в котором речь идет о душах людей, живущих в соотношении с воздушной стихией в ее постоянном, вечном стремлении, кружении от земли к небесам и обратно. Таким образом, знаковый для символистов мотив возвращения получает в мифопоэтическом строе экспрессемы *безветрие* свое отражение.

Знаменательно, что в завершающей творчество К. Бальмонта книге «Светослужение» (1937) репрезентация экспрессемы *безветрие* обнаруживает акцент на духовном состоянии человека.

Стихотворение «Безветрие души» [3, 76] стоит предпоследним в книге и является важной завершающей вехой в представлении духовных поисков поэта. В нем отражается состояние лирического героя на заключительном этапе его творческого пути. «“Воздух поэта” – это в первую очередь жизнь Духа», – отмечают П. В. Куприяновский и Н. А. Молчанова [5, 348]. Функционирование семантического поля *стихия воздуха* особенно значимо в этом контексте.

Уже в названии стихотворения появляются два активных и важнейших репрезентанта ЛСП *воздушная стихия*: *ветер* (корень слова «безветрие») и *душа*. Ранее нами было установлено, что экспрессема *душа* является неотъемлемой частью семантического поля

воздушная стихия, так как обладает свойственными для нее характеристиками, такими как свобода, изменчивость, непостоянство, выраженность в звучании, неподвластность ничему. На всем пространстве лирики К. Бальмонта мы обнаружили непосредственную связь экспрессемы *душа* с экспрессемами *ветер*, *вихрь*, *буря*. Проследим, какие характеристики преобладают у экспрессемы *душа* в данном контексте.

Название отражает свойство души, противоположное отмеченным в предыдущих книгах поэта. Если раньше у К. Бальмонта постоянными эпитетами к слову *душа* были *ветренная*, *свободная*, *вольная*, *неверная* с общей семантикой беспокойства, непостоянства (что поддерживалось сравнениями «как вихрь», «как ускользящий фрегат»), то здесь метафора *безветрие души* передает противоположное состояние, выраженное в дальнейшем контексте эпитетом *спокойная*. Приставка *без-* появляется в эпитетах, соотносенных с образом безветрия души: в оксюморе «*беззвучный свет Безветрия души*» и в эпитете «*безгранное Безветрие души*»:

Уж близко полночь, как всегда державна,
В созвездьях вышних, в голубой глуши,
Весы установились полноправно,
Беззвучный свет Безветрия души.
Те факелы священнодействий мрака
Гласят к часам: «Ночное соверши!»
И в сердце дышит сонный запах мака,
Безгранное Безветрие души [3, 76].

В выделенном оксюморе содержатся две важнейшие характеристики воздушной стихии (в том числе и души): свет и способность рождать звуки (непосредственная связь с экспрессемой *музыка*), причем приставка *без-* отражает отсутствие второго концептуального признака. В эпитете *безгранная* также содержится сущностная характеристика всей воздушной стихии – ее безграничность, бесконечность, что поддерживается перифразой «великое пространство», «бескрайность круговая». Подобная семантика в данном контексте поддерживается и метафорой «всеобъем Безветрия души», отражающей библейские коннотации:

Черты обрывов вдохновенно-четки,
Вот вырезы углов горят в тиши.
Молитвенны мечты, спокойно-кротки,
О, *всеобъем Безветрия души* [3, 76].

В Новом Завете говорится о том, что «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всякими, рожденными от Духа» [10, 377]. Данный образ особенно значим для лирического героя, что подчеркивается усиленной частицей «как», междометием «о», метафорой «восторг Безветрия души», оксюмоном «беззвучный свет Безветрия души», эпитетом «безгранное», а также лексическим повтором: метафора «Безветрие души» повторяется в тексте семь раз («...И началось *Безветрие души*», «Затем, что дух с твореньем неразлучен, / И есть восторг *Безветрия души*», «Я чувствую *душой* своей *спокойной*, / Как *хорошо Безветрие души*», «Молитвенны мечты, спокойно-кротки, О, *всеобъем Безветрия души*», «Пришел предел трудов дневных пробегу, Чуть *дышит зов Безветрия души*», «Весы установились полноправно, *Беззвучный свет Безветрия души*», «*И в сердце дышит сонный запах мака*, / *Безгранное Безветрие души*»).

Известно, что число «семь» обладает особым символическим характером и в христианстве в целом, и в православии в частности. Чаще всего это число появляется в Откровении Иоанна Богослова, в Апокалипсисе (семь печатей в книге жизни, семь ангелов вострубили в откровении, семь чаш с язвами, семь церквей). И образ *безветрия* появляется там же: «И после сего видел я четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево» [10, 1012]. В толковании Андрея Кесарийского находим: «*Удержание ветров* служит свидетельством разрушения подчинения твари и неотвратимости зла, так как все растущее на земле растет и питается ветрами; при помощи их плавают и на море» [4, 7]. То есть удержание ветров необходимо для осуществления перехода от земной жизни к жизни новой, вечной, который осуществляется разрешением седьмой печати. «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса» [10, 1015], – читаем мы в Откровении. Библейский образ безмолвия Андрей Кесарийский толкует как «благочиние, благоговение и незнание ангелами времени второго пришествия» [4, 8]. Без сомнения, в бальмонтском стихотворении данный образ мотивирует контекстуальные приращения в семантике экспрессы *безветрие*.

Таким образом, становится очевидным и объяснимым обращение К. Бальмонта к библейским мотивам. Испытание земли, а соответственно и души лирического героя, Божественным огнем можно наблюдать в первой строфе:

Пришел пожар, великий и шумящий,
Горели и лачуги и дворцы,
Горел и падал с домом дом горящий,
Огонь сжигал, бежал во все концы [3, 76].

«Образ Божественного Огня передает нравственное равнодушие Бога, его реакцию на зло и грех в человеческом мире. Божественный Огонь различает добро и зло: он выжигает грех, но не опасен для праведников», – отмечает А. Охочимский [7, 5]. И тогда становится понятным, кто же те «Верные», что смотрели на пожар и потоп «с высоты скалы»:

Но Верные, объаты златоблеском,
Смотрели молча с высоты скалы [3, 76].

Образ Седьмиграда связан с мифологемой сотворения мира:

И рухнул Седьмиград, известный всем.
То созиданье, что стократный зодчий
На неприступных возводил холмах,
Совсем истлело, – пламя стало кротче,
Обугленный дымился только прах.

Океан, «что в семь столетий раз встает один», соотносится с мифом о великом потопе, что поддерживается перифразой «стократный зодчий», отсылающей к образу Бога:

Пришел прилив великий Океана,
Что в семь столетий раз встает один,
Вода пошла из гулкового тумана,
Восстал из бездны весь объем пучин.

Бальмонт ремифологизирует, во-первых, библейские мифы о божественном происхождении мира, о великом потопе, очистительной силе огня и седьмой печати Апокалипсиса, результатом чего становится умиротворение «Безветрия души», во-вторых, свои традиционные макросимволы стихий земли, воздуха, воды и земли. Проходя через призму поэтического восприятия, данные мотивы и символы отражают эволюцию души лирического героя. Три строфы стихотворения соответствуют трем проявлениям стихий по отношению к Земле и, в то же время, трем этапам преобразования души героя: бури, пожары, потоп как проявление стихий приносят с собой затишье и умиротворение, «Безветрие души», – то же происходит и в душе лирического героя.

По справедливому замечанию М. В. Марьевой, «именно единство стихотворений <...> и динамизм образной структуры в стиле К. Бальмонта способствуют развитию полисемантизма слов» [6, 181].

Резюме. Таким образом, экспрессема *безветрие* может отражать и отсутствие ветра, и проявление воздушной духовной энергии в экзистенциальной сущности как свойства междубытия, как предвестника перехода в иной мир, умирания, что можно проследить в стихотворениях «Безветрие» и «Влияние луны». В них безветрие – это иное бытие, свободное от всего, что присуще земному человеческому существованию. Однако же это бытие не является и божественным миром, так как там «все воздушно и мертво», там нет ни жизни, «ни радуги, ни звездного убранства». Во всех трех стихотворениях присутствуют образы вечера, полночи, ночлега, сна, мрака, типичные для символистской поэтики и отражающие переходное состояние между жизнью земной и жизнью небесной.

К. Д. Бальмонт, глядясь в зеркало Вселенной, ее мифов и сюжетов, не просто создает в который раз образ души лирического героя – в этом контексте он его переосмысливает, а некоторые сущностные характеристики воздушной стихии становятся антонимичными проявлявшимся ранее. Метафора *безветрие души*, входя в состав СП *воздушная стихия*, дополняет и усложняет картину мира, отраженную в лирике К. Бальмонта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Д. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. – М. : Книгосек, 2010. – 504 с.
2. Бальмонт К. Д. Собр. соч. : в 7 т. Т. 3. – М. : Книгосек, 2010. – 528 с.
3. Бальмонт К. Д. Светослужение. Стихотворения. – Воронеж : ФГУП ИПФ «Воронеж», 2005. – 85 с.
4. Кесарийский Андрей. Толкование на Апокалипсис [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://azbyka.ru/otechnik/?Andrej_Kesarijskij/tolkovanie_na_apokalipsis=7.
5. Курприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. – Иваново : Изд-во «Иваново», 2001. – 469 с.
6. Марьева М. В. Книга К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце». Эклектика, ставшая гармонией. – Иваново : Издатель Епишева О. В., 2008. – 280 с.
7. Охоцимский А. Образ-парадигма Божественного Огня в Библии и в христианской традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://hierotopy.ru/contents/ImageParadigmFire_AndrewSimsky_RusEng_2013_02_16.pdf.
8. Петрова Т. С. Макросимвол *ветер* в книге К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» // Солнечная пряха : научно-попул. и литер.-худож. альманах / под общ. ред. И. Ю. Добродеевой. Вып. 4. – Иваново ; Шуя : Издатель Епишева О. В., 2010. – С. 19–26.
9. Преображенская А. А. Истоки формирования ЛСП *воздушная стихия* в поэтическом языке К. Д. Бальмонта («Под северным небом», «В Безбрежности», «Тишина») // Космос Бальмонта: миры и люди : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Шуя ; М., 2014. – С. 109–122.
10. Святое Евангелие и книги Нового Завета. – М. : Международный издательский центр православной литературы, 1995. – 1059 с.